

В Русском доме, находящемся в Кормей-ан-Паризи (Cormeilles-en-Parisis) под Парижем, всегда приятно бывать и контактировать с его администрацией. Он находится в 25 км на северо-запад от Парижа, и добраться туда можно за полчаса на электричке с парижского вокзала Сен-Лазар. Сейчас это один из двух оставшихся Русских домов вблизи Парижа. Там всегда рады гостям, которые дают информацию в печати о пансионате и его русских постояльцах.

Более чем 60-летняя история этого Русского дома началась с покупки участка у католического монастыря в конце 1940-х годов и устройства Православной церкви Святого Николая. Сейчас спустя шесть десятков лет обстановка там в корне изменилась. Он стал заполняться французскими пансионерами. Количество русских пансионеров с 1970-х годов стало сокращаться и сейчас не превышает 11%, что составляет 22 пансионера. Большая часть из них – потомки эмигрантов первой волны во Франции. Помимо них есть русские эмигранты, попавшие во Францию после Второй Мировой войны из СССР – эмигранты второй волны, а также современные эмигранты из России, которые имеют разрешение на постоянное проживание во Франции или являются гражданами Франции. Последние обычно оказываются в этом пансионате после переезда к своим детям, которые уехали из России и удачно устроились на работу во Франции в основном в 1990-е годы. Сложные семейные обстоятельства, как, например, болезнь и смерть дочери в Париже, к которой переехала мать из России, заставляют её устраиваться в пансионат для престарелых, так как не всегда оставшиеся члены семьи могут ухаживать за старым человеком. Иногда дети живут во французской провинции, и старый человек, чтобы получить хорошее медицинское обслуживание и уход, предпочитает жить в этом пансионате. При этом родственники и дети всегда могут навещать пансионеров.

Встретившись с заместителем директора пансионата, очень приветливым и любезным Андреем Шестопаловым, принадлежим к немногим сотрудникам, говорящим по-русски, я оказалась в Русском салоне, который находится на первом этаже. Здесь собираются русские пансионеры. Это очаг русской культуры, где выступают артисты. А иногда и сам Андрей Шестопалов берёт гитару и прекрасно исполняет русские песни и романсы. В комнате с несколькими шкафами стоят русские книги и журналы, сувениры, конечно, самовары и иконы, которые когда-то принадлежали постояльцам с русскими корнями. Есть и несколько картин с изображением русской природы и натюрмортов. Мне попала там небольшая книжечка, которая называется «Денёк», изданная в Париже в 1949 году в количестве 300 экземпляров. Это сборник из 46 стихов поэта Юрия Одарченко (1903–1960), подаренный им художнице Елене Владимировне Шоник (1906–2007), которая потом в 2001 году стала пансионеркой Русского дома. На сборнике дарственная надпись:

*«Дорогой хозяйюшке моей и подчинённой мне рисовальщице Елене Владимировне Шоник.
С искренним уважением Юрий Одарченко. 25/04 1959 г.»*

Русский поэт Юрий Одарченко обладал и блестящим дарованием пианиста. Кроме этого, он был ещё художником, дизайнером и делал рисунки на тканях в своем небольшом декоративном ателье. Как поэт, он дебютировал в 1947 году в парижском русскоязычном альманахе «Орион»,

а его подаренная книжечка была единственным выпущенным сборником стихотворений при его жизни. Дарил дамам и написанные картины, подписывая их по-русски. Он родился в Москве в семье банкира. Лето проводил в имении отца. Оно находилось на Украине вблизи мест, описанных Н. Гоголем, который стал одним из его любимых писателей. В начале 1920-х годов он оказался во Франции. Для поэзии Одарченко характерны сюрреалистические сюжеты с неожиданными деталями. Это часто почти детские стихи, в которых неожиданно появляются кошмарные сцены. Он был оригинальной личностью со странными привычками. Например, никогда не снимал с головы берета, потому что был лыс и очень этого стеснялся. Он ненавидел зеркала. Поэт был исключительным рассказчиком, и в компаниях можно было услышать его импровизированные истории фантастическо-анекдотического характера, которые он сочинял во время рассказа. Наугад, открыв книжечку, я попала на страницу со стихотворением «Чайная роза».

Чашка чайная, в чашке чаек
С отвратительной сливочной пенкой,
Роза чайная, в розе жучок
Отливает зловещим оттенком.
Это сон? Может быть.
Но, так много случайностей
В нашей жизни бывает за каждый денек,
Что, увидевши розу душистую,
Я глазами ищу – где зловещий жучок.

Неплохие стихи для подарка даме. В них переход от чайной чашки к чайной розе, рассуждения о случайностях в жизни и появление зловещего жучка, который сел на розу. Это постоянный контраст между прекрасным и зловещим. У поэта все стихи с неожиданным окончанием, то есть до последних 1–2-х строк невозможно предвидеть, чем окончится его стихотворение.

Другая реликвия, увиденная мною – парижский буклет русской певицы Антонины Кондратьевны Антонович (1890–1976), которая уже в 1919 году начала работать в Париже, эмигрировав из России. Антонина Кондратьевна была урожденная Черпак, родилась и получила образование в Киеве. Певица Антонович (меццо-сопрано) пела вначале в Киевской и Одесской операх. Затем выступала в Петербурге в Народном доме. В Париже входила в состав трупп Русских опер с разными антрепренёрами. Гастролировала с труппами в европейских странах. Ее партнёрами были известные певцы: Георгий Поземковский (1890–1958), Федор Шаляпин (1873–1938), а также Мария Давыдова (1889–1987). Антонович выступала в Париже и в Украинской опере. В 1940–1950-е годы она давала сольные концерты в парижском зале Гаво. Певица была основателем и руководителем Общества друзей искусства, которое было создано для оказания помощи артистам. Она участвовала в благотворительных концертах в 1950-е годы. С 1965 года жила в этом старческом доме, имея уже фамилию Каленская-Юшкевич. Певица пела перед пансионерами. Была похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Мне довелось увидеть несколько интересных семейных фотографий семьи Ушковых, принадлежавших Марии Михайловне Ушковой (1912–2005). Она жила в эмиграции в Париже вместе со старшей сестрой Ксенией Михайловной Ушковой (1909–1996) в квартале Отей 16-го округа в доме № 40 на улице Пуссен (rue Poussin) и окончила свою жизнь, прожив в пансионате Кормейан-Паризи около 5 лет. Родителями сестер были Михаил Константинович Ушков (1881–1943) и Софья Иосифовна Орел (1881–1963). Софья Иосифовна была дочерью артиллерийского генерала, служившего в Одессе и Казани. Михаил Константинович происходил из очень богатой купеческой семьи. Его отец Константин Капитонович Ушков (1850–1918) владел в России «Товариществом химических заводов» в Вятской губернии, а мать Кузнецова Мария Григорьевна (умерла в 1891) была внучкой чайного магната А.С.Губкина, имевшего чайные плантации на Цейлоне. Константин Капитонович Ушков был московским миллионером и театральным меценатом. Его сыну Михаилу Константиновичу прочили научную карьеру, когда он учился в Московском университете. Однако он неожиданно оставил учебу и женился. По воспоминаниям общественного и политического деятеля Александра Наумова (1868–1950), который был мужем сестры Михаила Ушкова – Анны, на свадьбе Михаила Константиновича каждый из гостей получил на память золотое украшение с небольшим бриллиантом, что, конечно, свидетельствовало о большом благосо-

стоянии семьи Ушковых. Михаил Константинович интересовался изобразительным искусством и был одним из основателей и издателем (с 1911 г.) иллюстрированного журнала «Аполлон» в Петербурге. В эмиграции в Париже он был в 1920-е годы членом приходского совета церкви Сергия Радонежского на Свято-Сергиевском подворье и членом общества «Икона».

Все представленные фотографии сестёр с родителями относятся к 1920-годам. Они были сняты в курортных местах Франции: Ницца, Биарриц, Понтайяк (пригород городка Руайян на Атлантическом побережье). Семья жила обеспеченной жизнью, имея троих детей. Вероятно, Ушковы имели средства за границей, и отъезд их из России не привёл к заметному ухудшению благосостояния. На фотографиях запечатлён брат Ксении и Марии – Володя Ушков (1905–1967). Он вёл дневник в трудные послереволюционные годы в России, когда семья, уехав из Москвы, оказалась на Кавказе, затем в Крыму, Константинополе и Афинах. Этот дневник был передан сёстрами писателю Александру Солженицыну, когда он, занимаясь сбором документов русской эмиграции, приезжал во Францию и был в православном Покровском монастыре в Бусси ан От (Bussy en Othe), где бывали сёстры Мария и Ксения Ушковы. Сейчас этот дневник находится в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» в Москве.

Цветная фотография сестёр была снята в 1990-х годах в Париже, в гостях у их приятельницы русского происхождения – Елизаветы Власенко. Власенко познакомилась с сёстрами в Покровском монастыре в Бусси ан От ещё в начале 1970-х годов. К ней они часто приходили в гости. Елизавета была на 19 лет моложе старшей сестры Ксении. Однако такая разница в возрасте не мешала установлению между ними дружеских отношений. По рассказу Власенко, Мария и Ксения имели художественные способности. Мария любила рисовать. Ксения мастерила кукол и расписывала платочки, которые продавались на благотворительных распродажах. Пенсии у неё не было, и она занималась подработкой. Мария работала архитектором, чертила планы. Сёстры жили в квартире из трех маленьких комнат на втором этаже. Платили за неё со скидкой, которая им полагалась, так как они жили там до 1948 года. Раньше они проживали в этой квартире вместе с родителями и братом. Сестры были прихожанками православной русской церкви Знамения Божьей Матери, находящейся неподалеку на бульваре Эксельманс. Приходивший в гости настоятель церкви отец Владимир Ягелло рассказывает, что в квартире было много богословских книг. В Россию сёстры Ушковы из Франции никогда не ездили. Сёстры любили отдыхать в монастыре Бусси ан От в Бургундии. Добирались туда вначале за 1,4 часа поездом с Лионского вокзала в направлении на Дижон до станции Ларош-Мижен. А затем ехали около 10 км на такси до монастыря. Мария и Ксения всегда были вместе. Когда Ксения заболела в середине 1990-х годов, то её устроили в Русский дом в городке Шелль под Парижем, где в 1970-е годы жила в старости тётя сестёр – известная в дореволюционной России и в эмиграции во Франции балерина Александра Балашова-Ушкова (1887–1979). Она была женой Алексея Ушкова, который приходился родным братом отцу Марии и Ксении. Власенко навещала Ксению и рассказывала, что там плохо ухаживали за тяжелобольными пансионерами. Ставили еду у постели больного, который не мог есть самостоятельно. Затем забирали тарелки, полные еды, а больной терял силы, будучи голодным. Так было и с Ксенией, которая обессилела и вскоре умерла. Обе сестры похоронены на Новом кладбище в Шелль.

Несколько лет назад я была там. Их могила имеет памятник, который находится в очень хорошем состоянии и резко отличается от старых окружающих памятников в лучшую сторону.

Елизавета Власенко много лет дружила с сёстрами и помогала им в трудные минуты. Она дочь эмигрантов из России первой волны. Её родители познакомились в Константинополе в начале 1920-х годов. Отец Сергей Власенко происходил из крестьян Харьковской губернии, а мать Валерия Станиславовна Черейская была из семьи инженера-строителя железных дорог. Валерия Станиславовна родилась в Петербурге, а затем её родительская семья переехала в Москву. Во Франции в семье Власенко родились две дочери – Ирина и Елизавета. Семья жила в деревне в Провансе. Отец занимался куроводством и разводил ангорских кроликов. Он умер в 1930-е годы. У девочек появился отчим русского происхождения. Семья продолжала жить в деревне. Младшая из сестер – Елизавета, одна приехала в Париж в 1951 году. В начале 1960-х из-за того, что в Париже у неё не было квартиры, ей пришлось уехать на длительный срок работать в Африку в Того (государство в западной части континента, граничащее с Ганой и имеющее выход на Гвинейский залив). Того – это бывшая немецкая колония, разделённая после II Мировой войны между Францией и Англией. Там

*Мария, Ксения, неизвестный (кум М.К. Уикова),
Володя, М.К. Уиков – 1920-е годы*

Семья Лаптевых: Елена, Вячеслав и их мать, 1923 год

*Ксения и Мария в гостях у Елизаветы Власенко –
середина 1990-х.*

Андрей Шестопалов

Карпушко Александр Петрович

*Дом где жили сестры Уиковы на улице Пуссен
(второй слева)*

Елизавета жила и работала около 12 лет. Занималась переписью населения. Вернувшись в Париж, стала сотрудницей Института статистики. Обо всём этом о ней я узнала уже потом, побывав у нее в гостях в XVII арондисмане.

Осмотрев реликвии и обстановку Русского Салона, я решила нанести визиты обитателям пансионата. По рекомендации Андрея Шестопалова в этот раз я встретилась с Карпушко Александром Петровичем, который поступил в пансионат всего лишь 2 месяца назад из города Лион. Он охотно рассказал о себе и о своих родителях, которые оба имели русское происхождение. Мой собеседник родился в Париже в 1932 году и после окончания школы переехал в Лион, где получил ветеринарное образование. Лечил в деревнях крупный рогатый скот и лошадёй, а также присутствовал при родах. Иногда ему приходилось делать кесарево сечение при рождении животных. Александр Петрович помог послать в Советский Союз 3 корабля со скотом, на которых были племенные быки и коровы. Ему легко давалось изучение иностранных языков. Он свободно помимо русского и французского, говорит на испанском и английском. В 1970-х годах он служил чиновником в городе Тур. По его характеру это ему не подходило, и у него было очень много сложностей на работе.

Его отец Петр Робертович родился в 1902 году в Калуге, и в 15 лет был кадетом. Его забрали в Белую армию и отпустили 2 года спустя. Отец Петра Робертовича был капитаном дальнего плавания. В России Пётр Робертович был чернорабочим. Вместе с контрабандистами он перешёл советско-польскую границу, но был арестован и посажен в тюрьму. Однако вскоре его выпустили. Мать Петра Робертовича вместе с его братьями через Сибирь и Японию уехали в Америку в Сан-Франциско. Братья звали Петра Робертовича в Америку и помогли сделать ему американский паспорт. Он должен был уплыть на корабле из Данцига в Америку. Однако по дороге на пароход Петр Робертович потерял портмоне с паспортом и билетом. Он делал попытки найти пропавшие документы, но тщетно. Он опоздал, и корабль уплыл в Америку на его глазах. Имея двоюродных братьев во Франции, он решил уехать к ним, и в 1935 году сумел получить в Париже французское гражданство.

Мать Александра Петровича – Елена Вячеславовна была урожденная Лаптева. Море Лаптевых было названо в честь её предков. Её отец Вячеслав Лаптев был профессором и преподавал математику. Вячеслав Лаптев был женат на француженке. Семья жила в Омске. После революции Вячеслав Лаптев вскоре умер. Его жена Елена Петровна осталась вдовой с двумя детьми: Еленой и Вячеславом. Она попала в тюрьму, но через некоторое время её выпустили. Ей помогла её честная служанка Луша, которая вышла замуж за командира ГПУ. Елена Петровна (бабушка Александра Петровича) передала Луше семейные драгоценности. Они какое-то время хранились у Луши, а потом Луша вернула их. Два раза Елена Петровна болела тифом, и ей удавалось вылечиться. Она уехала из Омска в Петроград, жила вместе с детьми на Лосином острове. Там получила деньги из Франции от родственников и переехала в Париж с дочерью и сыном. Мне была подарена копия фотографии семьи Лаптевых, которая была на заграничном паспорте, выданном в октябре 1923 года в Петрограде для проезда через государственную границу (Елена –15 лет, её брат Вячеслав –10 лет и их мать Елена Петровна Лаптева).

Елена Вячеславовна родилась в 1908 году. Она получила в России аттестат зрелости и хорошо знала французский язык. У нее были тяжёлые душевные испытания во время революции в России. Перед ней зимой провезли на телеге замороженные тела людей, расстрелянных большевиками. И это оставило отпечаток на всю её жизнь. У неё были припадочки – склонность к самоубийству. Однако она была очень привлекательной девушкой и работала гувернанткой в Париже в очень богатой французской семье – Жиль, которая имела печатное производство, где выходили книги, газеты, журналы. При этом Елена Вячеславовна вступила в Братство Святой Троицы. Там она и познакомилась с будущим мужем Петром Робертовичем (отцом Александра Петровича), вышла замуж и устроила его на завод рабочим к богатым людям, у которых работала сама. Пётр Робертович был свой человек у этих состоятельных людей и часто выполнял их личные поручения. Несмотря на то, что он был рабочим, он имел определенный культурный потенциал и за счет этого умел создавать атмосферу веселья в компании. Елена Вячеславовна, будучи не совсем психически здоровым человеком, в 1944 году покончила жизнь самоубийством. Это ей удалось сделать после более чем двух десятков неудачных попыток расстаться с жизнью. Отец Александра Петровича, оставшись вдовцом, женился второй раз в 60 лет на даме, которая была его ровесницей и имела русско-итальянское происхождение. Он жил с новой семьей в Лозанне.

Дядя Александра Петровича Вячеслав Вячеславович – брат матери, родился в 1915 году. Получил хорошее образование в Париже и был журналистом международником. Он женился на француженке и взял себе французскую фамилию, трансформировав фамилию Лаптев в Ля Тез. Изменил даже русское имя Вячеслав на Винсан. Помимо русского и французского, он знал немецкий и английский языки. Работал в разных странах Европы и Африки. Он умер в 2004 году. У него остался единственный сын Жорж – двоюродный брат моего собеседника, который работает судьей. Однако, у двоюродного брата серьёзное заболевание – дисграфия. Это частичное нарушение процесса письма, обусловленное неправильным формированием высших психических функций. Никаких отношений с родственником у моего собеседника нет.

Александр Петрович поступил в старческий дом, будучи отцом пятерых детей. Двое из них умерли от наркотиков. Первая его жена, от которой родилось пять детей, была испанкой. Он с ней развёлся. Второй раз женился на француженке в 1977 году, когда ему было 45 лет. Во втором браке был один сын Владимир, который тоже умер от наркотиков. От первого брака есть дочь Наташа, которая очень похожа на свою бабушку – мать Александра Петровича. Однако он с ней не разговаривает уже 40 лет, так как понял, что она хочет иметь от него только материальную выгоду. Ни с кем из своих детей он сейчас не имеет никаких контактов.

Его мать Елена Вячеславовна, бабушка Елена Петровна, которая умерла в 1957 году, похоронены на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Там же похоронен его старший сын Кирилл.

Не хотелось прерывать беседу на такой грустной ноте, и я поинтересовалась у моего рассказчика, приезжал ли он в Россию. Я получила утвердительный ответ Александр Петрович был в нашей стране 2 раза. Первый раз это было в 1978 году, когда он путешествовал как турист по маршруту Москва-Ленинград. Второй раз поездка в Россию была в 2003 году. Он приезжал как паломник на Соловки. В конце нашей беседы Александр Петрович подарил мне небольшую иконку, которую он приобрел в монастыре Бусси ан От, когда отдыхал там в монастырском пансионате. Кстати, там он познакомился с внучкой великого Шаляпина Наташей Ферфилд, живущей в Стокгольме, которая тоже отдыхала там. Он разговаривал с ней по-английски, так как это единственный язык, на котором она говорит.

Покинув Александра Петровича, я посетила своих знакомых по прошлогоднему приезду: Нину Владимировну Хаустову и Хрипунову Марию Григорьевну. Они приехали 15 – 20 лет назад в Париж к своим дочерям из российской провинции. Потом зашла и к художнику Юрию Васильевичу Титову, который покинул СССР в 1972 году и, несмотря на сильное желание вернуться в Россию обратно после нескольких лет жизни во Франции, не смог этого сделать по ряду обстоятельств. Всем им я привезла их фотографии, сделанные в прошлом году. Нина Владимировна сразу узнала меня и рассказала, что её внучка Диана вскоре осуществит свою мечту – работать в Санкт-Петербурге, где живёт её отец. Она очень хочет преподавать там французский язык. Сейчас она вместе с матерью опять уехала в Санкт-Петербург навестить отца. Нина Владимировна просила обязательно заходить к ней, если я буду опять в Париже и приеду в пансионат.

К сожалению, меня известили, что Татьяна Валентиновна Крживоблодская, которая в прошлом году ходила быстрой походкой и интересно рассказывала мне о своих родителях, уехавших из России в Гражданскую войну, умерла. Она начала болеть с осени 2014 года, практически прекратила вставать с постели. Её похоронили 1 марта.

Мария Григорьевна была не в настроении. Беседы с ней не получилось. Она продолжает выращивать помидоры на своем огороде в пансионате. Кстати, они у неё очень вкусные. В этом году их большой урожай. Меня угостил её помидорами Александр Петрович Карпушко, который был первым моим собеседником. А художник Юрий Титов опять, даже не смотря на проливной дождь, который шёл весь день, пошёл провожать меня до ворот пансионата. При расставании он выразил надежду, что мы обязательно должны ещё встретиться и попросил передать привет Москве.

Я шла на станцию под зонтом, так как шёл проливной дождь. Но у меня было очень хорошее настроение, потому что я была довольна итогами визита. Все мои собеседники имели судьбы, по-разному связанные с Россией. Они охотно рассказывали свою прошлую и настоящую жизнь, так как гостя из России понимала их русские души.